

DOI: 10.31857/S032150750011111-4

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ КАНВОНДО

© 2020 М. КУКЛА, Л. КОЗЛОВ

КУКЛА Марина Петровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры корееведения, Дальневосточный федеральный университет (kukla.mp@dvfu.ru)

КОЗЛОВ Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, Дальневосточный федеральный университет (kozlov.le@dvfu.ru)

Резюме. В Республике Корея равномерное территориальное развитие считается одной из главных государственных задач. Традиционным объектом региональной политики Сеула является Канвондо, типичный депрессивный регион, в период индустриального роста РК специализировавшийся на добыче угля и радикально перестроивший за последние 30 лет свою экономическую структуру. В статье анализируются ключевые проблемы социально-экономического развития провинции, пути и методы их решения, которые привели к тому, что отставание Канвондо от среднего уровня южнокорейских регионов было преодолено.

Ключевые слова: региональная политика, территориальное развитие, Республика Корея, Канвондо

THE GANGWON-DO CASE AS AN EXAMPLE OF THE REGIONAL POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA

Marina P. KUKLA, PhD (Economics), Associated Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (kukla.mp@dvfu.ru)

Leonid E. KOZLOV, PhD (Political Science), Associated Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (kozlov.le@dvfu.ru)

Abstract. In the Republic of Korea, equal spatial development is considered as one of the state priorities. The traditional object of Seoul's regional policy is Gangwon Province, a typical depressed region that specialized in coal mining during the rapid industrial growth of the RoK and suffered from changes in the energy balance and macroeconomic conditions at the turn of the 80s and 90s. In this article, we analyze the key problems of the socio-economic development of the province, the approaches and instruments for resolving these problems and their effectiveness. The recovery policy for Gangwon-do has been implemented over the past two decades. The central, regional and municipal authorities, as well as the local community, putting forward a variety of initiatives and demands, are engaged in an intensive dialogue on the development of Gangwon-do. At first sight, a radical improvement did not happen. However, the decline in population has been stopped and even a slight growth began. Structural reorganization of the regional economy was implemented, and in preparation for the 2018 Olympic Games, most transport problems were solved, the infrastructure of sports and outdoor activities reached a high level, and real estate prices rose significantly. Gangwon-do's lagging behind the average level of the South Korean regions has ceased, which is a decent result of the regional policy, taking into account the existing geographical and macroeconomic restrictions. However, we assume that the COVID-19 epidemic will cause severe damage to the service sector of the provincial economy, so in the future the authorities will pay more attention to the development of industry and agriculture.

Keywords: regional policy, territorial development, Republic of Korea, Gangwon-do

В России с ее огромными пространствами и региональными диспаритетами существует большой интерес к изучению зарубежного опыта территориального развития. Однако Республика Корея (РК) обычно остается за бортом сравнительных исследований, вероятно, представляясь столь малой страной, что региональных проблем, достойных центрального регулирования, там не может быть в принципе. И вне Кореи этот сюжет не пользуется популярностью, но в самой РК территориальное развитие считается одной из главных государственных проблем, ей посвящается множество научных исследований, государственных планов и нормативных актов.

Традиционным объектом региональной политики РК является провинция Канвондо, схожая

своими условиями и проблемами с дальневосточными регионами России и поддерживающая с ними тесные связи. В данной статье мы анализируем ключевые проблемы социально-экономического развития Канвондо, пути, методы и эффективность их решения центральными и региональными органами власти РК¹.

ОБЩИЙ ПОДХОД РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ К ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ

Региональные диспаритеты в Южной Корее, несмотря на небольшую территорию страны (100210 км²), весьма существенные. В своем нынешнем виде они сформировались в 1980-е гг., когда индустриализация в стране была практически

¹ Исследование базируется на следующих источниках: Korean Statistical Information Service, Gangwon Statistical Information, Korea's Comprehensive National Territorial Plan (CNTP), Gangwon Vision 2040. Использованы беседы с жителями провинции и наблюдения авторов.

завершена. Обязательным элементом государственной стратегии РК является «Комплексный национальный территориальный план» (*CNTP*).

Первый *CNTP* (1972-1981) был нацелен на форсированную индустриализацию и экономический рост страны. Этот рост привел к радикальному перераспределению населения из сельских районов в города, крупнейшие из которых были расположены в промышленных районах, так что столичный регион с центром в г. Сеул и юго-восточный с центром в г. Пусан стали явно преобладать над отстающими северо-востоком (Канвондо) и юго-западом (Южная и Северная Чолла).

Второй *CNTP* (1982-1991) предусматривал более сбалансированное развитие территории РК, однако меры по ограничению роста Сеула и Пусана и поддержке полюсов роста в других регионах не произвели ожидаемого эффекта. В ходе индустриализации и урбанизации в отсталых регионах падали численность населения, объемы производства, вымирали малые города и рабочие поселки, в целом ухудшалось качество жизни в глубинке. Усугубляло положение отсталых регионов общее старение населения в РК.

В третьем *CNTP* (1992-1999) акцент был сделан на децентрализации властных полномочий и дерегулировании экономики. Особое внимание уделялось укреплению экономической базы регионов. Политика децентрализации, расширения региональной автономии и инициативы нашла поддержку далеко не у всех чиновников центральных государственных органов, консервативные элементы по мере сил ее саботировали [1, р. 24].

Четвертый *CNTP* (2000-2020), увеличив горизонт планирования с 10 до 20 лет, стал обязательной основой планирования на местах. «Комплексный план развития Канвондо» был создан в соответствии с 4-м *CNTP* в 2000 г. и потом неоднократно пересматривался.

Администрация президента РК Но Мухёна (2003-2008) в рамках 4-го *CNTP* ставила главной задачей преодоление разрыва между столицей и регионами. Для её решения предполагалось создать равномерно по всем провинциям 17 новых городов [2, р. 3]. Как позднее выяснилось, этот подход, скорее, повысил конкуренцию между регионами, чем способствовал развитию межрегиональных связей. На сегодня введен в эксплуатацию лишь город Сечжон, взявший на себя часть административных функций Сеула.

Администрация президента Ли Мёнбака (2008-2013) сменила императив региональной политики на «создание конкурентоспособных регионов с рабочими местами и высоким качеством жизни», при этом линия на децентрализацию управления сохранилась. Территория страны была разделена по историческим, культурным и географическим критериям на 5 основных экономических районов и 2 особых района: Чеджудо

и Канвондо (т.н. политика «5+2»). Поощрялась специализация регионов в соответствии с их геоэкономическими характеристиками и межрегиональная кооперация, нацеленная на их соразвитие [3, pp. 581-582].

Региональная политика при Ли Мёнбаке стала тесно увязываться с экологической политикой «зеленого роста». В 2010 г. был принят закон «О повышении качества жизни и содействии развитию в сельскохозяйственных и рыболовецких районах», нацеленный на сокращение разрыва в уровне жизни между городом и селом.

Администрация президента Пак Кынхе (2013-2017) в региональной политике сосредоточилась на повышении качества жизни вместо стимулирования рождаемости, которое в условиях сокращения населения детородного возраста не имело заметного эффекта. Система управления регионами стала переходить от управления «сверху вниз» к управлению «снизу вверх», при котором программы территориального развития опирались на местную инициативу [2, р. 4].

Сегодня администрация президента РК Мун Джэина ставит во главу угла развитие социальной сферы РК и продолжает устранение территориальных диспропорций. Бюджет мероприятий по региональному развитию до 2022 г. превышает 175 трлн вон, что на 10 трлн вон больше, чем план 2014-2018 гг. (на июль 2020 г. \$1 был равен 1195,70 кор. вон). Из них 113 трлн выделяется центром и 42 трлн - регионами.

Приоритетами политики Мун Джэина являются стимулирование занятости и развитие человеческого капитала, инновационное производство, укрепление образовательной, культурной и медицинской инфраструктуры в регионах, которые испытывают отток населения [4].

СИТУАЦИЯ В КАНВОНДО В НАЧАЛЕ XXI в.

Провинция Канвондо расположена в северо-восточной части Республики Корея, на побережье Японского моря, занимает 17% территории страны, но производит лишь около 3% совокупного валового регионального продукта (ВРП) и населена лишь 3% жителей РК.

Существенное отставание провинции по большинству социально-экономических показателей началось в 1980-е гг., когда из-за изменения конъюнктуры энергетического рынка и снижения рентабельности стали закрываться угольные шахты, составлявшие основу ее экономики. Горнорудная отрасль давала более 12% ВРП Канвондо в 1985 г., но к 2006 г. её доля сократилась до 1,4%. Вслед за этим доля обрабатывающей промышленности в ВРП упала с 16% в 1999 г. до 8,6% в 2006 г. [5, р. 7]. Как следствие усилился отток населения в столичный регион, где были более привлекательные рабочие места.

В «Концепции развития провинции до 2040 г.» (*Gangwon Vision 2040*), разработанной Канвонским исследовательским институтом в 2017 г., отмечены следующие трудности: 1) слабая промышленная база, большая доля рыбного и сельского хозяйства и сферы услуг, малая доля производства с высокой добавленной стоимостью; 2) медленный экономический рост, низкая урбанизация, постоянно падающая доля региона в национальной экономике; 3) сокращение численности экономически активного населения и старение населения [7, р. 38].

Дополнительные проблемы приведены в работе канвонского экономиста Ким Чжонхо. В частности, он сообщает о том, что в Канвондо долгое время недофинансировалась и медленно строилась инфраструктура: автомобильные и железные дороги, воздушные и морские порты. Гористая местность обусловила высокую стоимость создания инфраструктуры, например, автодороги в Канвондо обходились вдвое дороже, чем в среднем по стране. Регион был слабо связан с системой портов РК, пять местных портов составляли всего 8,1% общей перевалочной мощности портов Южной Кореи. При этом 82% территории провинции покрыто лесами, и государство из природоохранных соображений препятствует ее введению в оборот [5, pp. 5-10].

Определенные проблемы развитию создает усиленный контроль государства над всеми видами деятельности в приграничных с КНДР уездах. Значительная территория прилегает к Демилитаризованной зоне и зарезервирована для нужд военных. С другой стороны, соседство с КНДР повышает интерес туристов к Канвондо [8, pp. 332-333]. Некоторая поддержка приграничных уездов оказывается в виде субсидий и налоговых льгот на основе закона «О поддержке приграничных территорий» (2007).

Производственный сектор развит слабо ввиду затрудненного доступа местных предприятий к национальному рынку, дефицита инвестиций, неразвитой инфраструктуры. Три четверти местных фирм насчитывают менее 5 человек. Такой микробизнес не может создать значительного числа рабочих мест [5, р. 13], что обостряет проблему занятости, особенно среди молодежи. Социально-экономические параметры Канвондо на душу населения обычно остаются средними для южнокорейских регионов, но вот их абсолютные значения всегда малы, учитывая площадь провинции [9, pp. 14, 15, 39].

В середине 2000-х гг. было решено ускорить решение проблем Канвондо. Оживить экономику и остановить отток населения, в основном, предполагалось через развитие внутреннего и международного туризма, особенно медицинского,

с учетом благоприятной местной экологии. *CNTP* на 2009-2013 гг. также предусматривал строительство в провинции современных железных и автомобильных дорог [10, р. 77].

К более активной заботе о регионе центр во многом побудило общественное движение в Канвондо. Еще в начале 1990-х гг. на фоне закрытия угольных шахт местные жители начали дискутировать о том, где им найти новые источники дохода. Выдвигались различные экзотические идеи вроде размещения мусорных полигонов, захоронения в шахтах ядерных отходов, перевода в Канвондо южнокорейских тюрем, в общем, всего того, что не нравится другим регионам. От этих проектов, впрочем, пришлось отказаться из-за технических сложностей и противоречий с природоохранными законами.

В регионе создавались общественные организации, собирались митинги, принимались петиции к центральному правительству. Местные жители основывали компании для развития новых отраслей, прежде всего, туризма. Проводились разнообразные, порой агрессивные акции за сохранение угольных шахт и теплоэлектростанций, в т.ч. в столице страны.

Одним из результатов переговоров правительства РК с местными активистами стал «Специальный закон о содействии развитию районов заброшенных шахт» (1995). *MOLIT* в 1997 г. разработало 85 проектов в рамках возрождения Канвондо, включая туристические и рекреационные, а правительство РК утвердило план расширения региональной инфраструктуры на 322,2 млрд вон [11, pp. 57-91]. Местное сообщество было главным инициатором проведения Зимних Олимпийских игр в Пхёнчхане и настойчиво продвигало эту заявку, несмотря на первые неудачи.

Регионы РК традиционно оказывают большое воздействие на принятие государственных решений в сфере территориального развития. Как и в России, в РК центр забирает около 80% налогов, но распределяет их, опираясь, прежде всего, на инициативные предложения провинций, и гораздо быстрее, чем в России.

Высшие органы власти провинций формируются в реальной политической конкуренции, поэтому они тесно связаны с местным сообществом. Более того, в южнокорейском обществе остро реагируют на любые проблемы, связанные с кумовством и коррупцией, так что, попав во власть, региональные лидеры стараются работать изо всех сил, и успех их проектов - это, своего рода, дело чести².

Канвондо не особо может рассчитывать на своих лоббистов в столице: всего 5-6% выходцев из провинции работают в центральных министерствах [12]. Канвондо не имеет определенной поли-

² Из интервью с Ли Шин У, официальным представителем Канвондо во Владивостоке, 20.02.2020.

тической окраски и не участвует в конкуренции регионов РК за выдвижение национальных лидеров.

Главными целями концепции «*Gangwon Vision 2040*» называются достижение высокого уровня жизни, рост ВРП более 3%. Основными факторами развития провинции считаются её природный потенциал, приграничное положение, избыток свободной территории для нового бизнеса. Провозглашается необходимость развития инфраструктуры, медицины, культуры и образования, улучшения инвестиционного климата, создания новых отраслей, привлечения крупных фирм с их головными офисами. Соседство с КНДР видится, скорее, шансом на развитие, чем угрозой: в стратегии содержится призыв к более активной позиции региона по объединению и межкорейскому сотрудничеству. Удачные для Канвондо возможности разработчики стратегии видят в инициативах КНР «Пояс и Путь» и «Новая Северная политика» РК. Провинция рассматривает стать важным транспортным узлом, соединяющим Корею и Северный морской путь [7].

МЕРЫ ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ РАЗВИТИЯ КАНВОНДО

Среди инфраструктурных мер особенно полезным для провинции было строительство к Зимней Олимпиаде 2018 г. скоростной железной дороги (*Korea Train eXpress / KTX*) и модернизация двух региональных аэропортов до уровня международных. *KTX* решила проблему транспортной связи Канвондо со столичным регионом. К Олимпиаде также были построены горнолыжные курорты, ледовые дворцы, гостиницы и другие объекты за счет средств госбюджета и спонсоров.

Одним из положительных изменений, которые произошли в регионе при подготовке к Олимпиаде, может служить провинциальный город Каннин: облагораживалась территория, строились новые здания, росла занятость. Новая железнодорожная связь *KTX* между Сеулом и регионом - это самый памятный результат Олимпиады: время поездки из Каннина в Сеул сократилось до 1,5 часов, поэтому Каннин смог реализовать свой потенциал в сфере внутреннего туризма.

Олимпийская инфраструктура используется как аргумент, чтобы сделать Пхёнчхан площадкой для международных политических переговоров, в оптимальном варианте - переговоров об объединении Севера и Юга Кореи [13].

Новый крупный объект образовательной инфраструктуры, один из трех кампусов Канвонского национального университета, был построен в городке Тогэ, который сильно пострадал от сокращения угледобычи. В 2009 г. открылись 9 учебных корпусов и 4 жилых здания. Кампус То-

гэ пропагандировался как альтернатива угледобыче и основа регионального экономического возрождения, обеспечивающая непрерывное образование местных жителей, приток внешних студентов и новых отраслей, которые должна привлечь инфраструктура НИОКР [11, pp. 123-124].

Вончжу, второй по величине город провинции, включен в госпрограмму семи инновационных кластеров, специализируясь на производстве медицинских инструментов. Южнокорейский рынок медоборудования достаточно ограничен, поэтому большинство таких компаний в Канвондо делают акцент на экспорте. Не все в этом деле идет гладко, например, есть трудности с набором высококвалифицированных сотрудников, которые мечтают о карьере в столичных или транснациональных компаниях [14, pp. 23-24].

Система стимулирования экономики РК исторически нацелена на поиск отраслей, обладающих большим потенциалом на внутреннем или зарубежном рынке, в привязке к географическим локациям. Сочетание административных, экономических и институциональных инструментов дает возможность не только создавать эффективную рыночную среду, но и помогать организационно малому и среднему бизнесу. В случае Канвондо такими драйверами считаются туризм и экспортное производство.

Политика стимулирования туризма включает в себя открытие в 2006 г. единственного в стране казино, куда разрешен доступ граждан РК (всего в РК работает 17 казино), поддержку событийного туризма (порядка 200 мероприятий в год), привлечение в региональные вузы, не имеющие высоких рейтингов, иностранных студентов из Китая, России, Юго-Восточной Азии и др. Введена система упрощенного лицензирования строительства и организации гостиниц и другого съемного жилья (отелей, гостиниц при больницах, хостелов), созданы условия для развития т.н. «дешевого туризма» (система возврата налогов, система различных уровней гостиниц, кемпингов и т.п.).

Казино «*Gangwon Land*», при всей своей важности для регенерации шахтерских уездов, имеет сложную судьбу. Во-первых, этот проект в отсталом регионе не вызывал большого интереса частных инвесторов, так что потребовалось составить акционерное общество с капиталом 100 млрд вон, где 51% инвестиций обеспечивали правительство РК, провинция и муниципалитеты, а 49% - местные частные инвесторы. Во-вторых, казино в Корее пользуются дурной славой: считается, что они провоцируют пристрастие к азартным играм, алкоголизм, проституцию, политическую коррупцию. Поэтому власти расширили этот проект с казино до рекреационного кластера и пропагандировали его позитивные аспекты. Наконец, проекту угрожала конкуренция других корейских участников рынка азартных игр, добивавшихся раз-

решения на допуск в свои казино граждан РК [15].

Над развитием регионального экспорта работает Агентство по поддержке бизнеса Канвондо, организованное в 1998 г. в помощь малым и средним компаниям. В его структуре находятся отдел маркетинга, комитет по развитию человеческого капитала, центр интеллектуальной собственности, центр поддержки традиционного рынка, центр поддержки уникальных региональных производств в сельском хозяйстве, зарубежные представительства в Китае, Японии, Вьетнаме и России. С 2011 г. такое представительство работает во Владивостоке. Сфера его ответственности - это распространение информации о возможностях сотрудничества с Канвондо и маркетинг местных товаров [16]. Компании Канвондо участвуют в многочисленных отраслевых выставках товаров и услуг, проходящих во Владивостоке. Кроме того, поддержку экспортерам Канвондо оказывает региональная штаб-квартира Ассоциации внешней торговли РК. Она продвигает продукты провинции на международных выставках, предоставляет местным фирмам информацию о зарубежных рынках, проводит образовательные семинары, поддерживает маркетинговую онлайн-платформу корейских фирм на английском языке [17].

Основными экспортными товарами провинции являются медицинское оборудование, ферросплавы, автозапчасти, цемент, алкогольные напитки, лекарства, овощи, продукты питания, косметика. Экспорт в США и Японию, в прошлом важные рынки сбыта, сейчас неуклонно сокращается, а экспорт в Китай, напротив, увеличивается. Международная узнаваемость Канвондо после Олимпиады в Пхёнчхане заметно повысилась, и корейские эксперты призывают местных бизнесменов «не упустить это золотое время для рывка в глобальную экономику» [18].

Важным аспектом региональной политики в Канвондо является стимулирование рождаемости и внутренней иммиграции. В 2016 г. провинция завоевала первое место в конкурсе региональных проектов демографической политики и получила целевую государственную субсидию в 300 млн вон. Общий лозунг политики провинции в сфере демографии - «Создадим регион, где хочется остаться, работать и жить».

В 2017 г. администрация Канвондо утвердила «Общие меры по созданию благоприятной среды для повышения браков, рождаемости и воспитания детей». Реализуется программа по субсидированию коммунальных расходов молодых семей. В зависимости от доходов семьи разделены на 4 группы. Субсидии 3 основных групп составляют от 50 тыс. до 120 тыс. вон в месяц. В 4-ю группу выделяют семьи, где жена переехала за мужем в Канвондо, такие получают дополнительно 20 тыс. вон при соблюдении определенных усло-

вий. В провинции выплачивают материальную помощь на послеродовое восстановление: от 150 тыс. после рождения первого ребенка до 300 тыс. вон после рождения третьего [19].

В начале 2020 г. «Канвон Ньюс» опубликовала результаты опроса 118 экспертов в сфере экономики и бизнеса об их прогнозах относительно развития экономики Южной Кореи и Канвондо (еще до вспышки *COVID-19*). В целом, эксперты оценили ситуацию сдержанно. Восстановление благоприятной конъюнктуры экономики РК более половины респондентов ожидали не ранее 2022 г., перспективы экономического роста они оценили на уровне 1,5-2,0%. 77% респондентов заявили, что на уровне страны необходимы меры по активизации инвестиций посредством системных реформ и улучшения деловой среды. Важными условиями развития они назвали расширение внутреннего спроса, преодоление демографических проблем, усиление внешнеторговой политики.

Что касается экономических мер регионального уровня, то здесь 81% считали важным привлечение в регион головных офисов национальных компаний и повышение конкурентоспособности местного бизнеса. Была отмечена необходимость укрепления сервисной инфраструктуры (розничной торговли и медицины), изменения правил поселения (создание благоприятных условий для переезда, чтобы приезжающие извне работники не создавали маятниковую миграцию), выпуск купонов, стимулирующих продажи местных товаров.

Основное резюме этого опроса: для возрождения провинции требуется создать условия не только для комфортной жизни, но и для деловой активности [20].

* * *

Политика по развитию Канвондо, на первый взгляд, не привела к радикальному улучшению ситуации, однако надо понимать, что регион - это чрезвычайно инерционный объект, и ни одна страна не может похвастаться в этом деле быстрыми результатами. В Канвондо приостановилось снижение численности населения и был зафиксирован небольшой рост. В 2001-2005 гг. фиксировался чистый отток населения, т.е. отъезд в другие регионы страны на постоянное место жительства. С 2008 г. наблюдается небольшой, хотя и нестабильный приток населения в регион (1300 чел. в 2008 г., 555 - в 2010 г., 4653 - в 2011 г.). Рождаемость в Канвондо ниже среднего показателя по провинциям (1,36), однако чуть выше, чем средняя по крупным городам (1,24). Динамика числа новорожденных коррелирует со средней по стране и постепенно снижается (2007 г. - 13617, 2010 г. - 12477, 2014 г. - 10662, 2016 г. - 10058, 2017 г. - 8958) [21]. Напрашивается вывод, что эту общенациональную проблему на уровне провин-

ции не решить. Тем не менее, благодаря региональным программам регион имеет имидж «удобного для рождения детей».

Олимпиада в Пхёнчхане вывела на новый уровень инфраструктуру спорта и активного отдыха и решила большинство транспортных проблем провинции. Правда, содержание спортивных объектов обходится дорого, поэтому центр и провинция делят эти расходы поровну и прилагают все силы, чтобы загрузить их соревнованиями. За счет туризма постепенно растет валовой региональный продукт.

Вероятно, эпидемия *COVID-19* нанесет этой отрасли сильный ущерб, с другой стороны, она открывает дополнительные возможности для медицинского кластера Вончжу. События 2019-2020 гг. показывают, что сектор услуг, особенно, туризм, не может быть надежной основой регио-

нальной экономики в долгосрочной перспективе. Формирование же конкурентоспособного производственного сектора требует титанических усилий по улучшению инвестиционного климата, к тому же иногда физико-географические ограничения региона просто невозможно преодолеть. Тем не менее, экспорт Канвондо с 2017 г. идет в рост и уже превышает \$2 млрд, что свидетельствует о силе экспортеров и конкурентоспособности продукции провинции.

Опыт Канвондо показывает, что при активной позиции общества, должном финансировании, поддержке инициативы на местах и опоре на научные рекомендации центр вполне может затормозить отставание депрессивного региона от среднего по стране уровня, однако его опережающее развитие - это, очевидно, недостижимый идеал даже для высокоразвитого государства.

Список литературы / References

1. Lee Yong-Sook. 2009. Balanced development in globalizing regional development? Unpacking the new regional policy of South Korea. *Regional Studies*. Vol. 43, Issue 3, pp. 353-367.
2. Kim Taeyung, Lim Junghwan. Regional policy in the Republic of Korea: principles and experiences. *Rimisp Working Paper Series*. No. 189. Santiago de Chile, 2016.
3. Jang Jae-Hong. 2009. Regional development policy in Korea - past, present, and future. *Journal of the Economic Geographical Society of Korea*. Vol. 12, № 4, pp. 576-596.
4. Kim Joonho. What is the «4th National balanced development five-year plan»? *Jeonbuk Ilbo*. 11.02.2019 (In Kor.). <http://www.jjan.kr/news/articleView.html?idxno=2032743> (accessed 20.04.2020)
5. Kim Jeong Ho. 2010. Spatial planning and economic development in border region: The experiences of Gangwon Province, Korea. *Ordnungspolitische Diskurse*. № 5.
6. Gangwon-do. Namuwiki [online encyclopedia] (In Kor.). <https://namu.wiki/w/%EA%B0%95%EC%9B%90%EB%8F%84> (accessed 20.04.2020)
7. Gangwon Vision 2040. Gangwon Research Institute. Chuncheon, 2017 (In Kor.)
8. Gelézeau Valérie. The Inter-Korean border region - "meta-border" of the Cold War and metamorphic frontier of the peninsula. The Ashgate research companion to border studies. Ashgate, 2011, pp. 325-348.
9. Kim Yong Woong. Spatial changes and regional development policy in Korea. Chungnam Development Institute, 2009.
10. Moon Jeong Ho, Jang Eun Gyo, Park Jung Ho, Kang Min Jung. National territorial and regional development policy: focusing on Comprehensive national territorial plan. Korean research institute for human settlements. Sejong, 2013.
11. Bae Jaegy. A study on the regional development of abandoned mine area: focusing on Southern Yeongdong of Gangwon province [master thesis]. Gangwon National University, 2009 (In Kor.)
12. Ahn Hongwook. There are 32% of Yongnam... The share of Seoul and the metropolitan area expanded to 25%, Honam's position weakened. *Kyunghyang Shinmun*. 03.06.2013 (In Kor.). http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?art_id=201306032224275 (accessed 20.04.2020)
13. Han Wanggi. One year after the Winter Olympics, Pyeongchang is on the rise again. *Gangwon News*. 21.01.2019 (In Kor.). <http://www.kwnews.co.kr/nview.asp?s=ca68&aid=219012000060> (accessed 20.04.2020)
14. Kim Yong-Ju, Kim Min-Ho. 2016. The international competitiveness analysis of the Korea medical device industries through the generalized double diamond model: focusing on the medical device industries of Gangwon-do. *Gangwon Nonchong*. № 1, pp. 1-25 (In Kor.)
15. Kim Susung. An analysis on structural relationship of attitudes of residents toward the development of Casino Resort Complex: focusing on the development of Gangwon Land Casino Resort Complex [doctoral dissertation]. Kyung Hee University, 2008 (In Kor.)
16. Park Jieun. Promotion in Primorye and a review of the tasks of the Russian branch. *Gangwondomin Ilbo*. 02.11.2018 (In Kor.). <http://www.kado.net/?mod=news&act=articleView&idxno=937389> (accessed 20.04.2020)
17. Hong Sagyo. Gangwon economy looking for export routes. *Gangwon News*. 11.02.2019 (In Kor.). <http://www.kwnews.co.kr/nview.asp?s=ca68&aid=219021000069> (accessed 20.04.2020)
18. Hong Sagyo. Provincial export marketing after the Olympics. *Gangwon News*. 13.03.2018 (In Kor.). <http://www.kwnews.co.kr/nview.asp?s=ca68&aid=218031200028> (accessed 20.04.2020)
19. Kim Youngtak. Gangwon-do promotes the «Happiness bonus» policy to overcome low fertility. *Jeongumaeil Shinmun*. 04.03.2018 (In Kor.). <http://jeonmae.co.kr/news/view.html?section=133&no=209272> (accessed 20.04.2020)
20. Shin Harim. Gangwon's 4 new growth industries. Survey of 118 economic experts. *Gangwon News*. 01.01.2020 (In Kor.). <http://kwnews.co.kr/nview.asp?s=401&aid=219123100110> (accessed 20.04.2020)
21. Birth number. *Korean Statistical Information Service*. 24.08.2018 (In Kor.). http://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1YL20681 (accessed 20.04.2020)